

УДК 94(47)''16''
ББК 63.3(2)4
К65

Коняев, Николай Михайлович.
К65 Романовы. Творцы Великой Смуты / Николай Коняев. — Москва : Алгоритм, 2017. — 304 с. — (Романовы. Тайны династии).

ISBN 978-5-906880-87-1

Возвышение и укрепление на высших этажах власти бояр Романовых, их борьба с Годуновыми — одно из самых темных мест в русской истории. Еще более затуманена роль, которую играли Романовы в самой Смуте, приведшей их династию на царский трон. И не потому русские историки обходили эти темы, что не располагали материалами. Материалов как раз было более чем достаточно.

Согласно им Филарет, отец царя Михаила, митрополичий сан принял из рук Лжедмитрия I, а патриархом его сделал Лжедмитрий II. А когда ополчение князя Дмитрия Пожарского и гражданина Минина штурмовало Кремль, все Романовы, и будущий царь в том числе, находились по другую сторону кремлевской стены — вместе с осажденными поляками. Об этих стыдливых умолчаниях и пропусках и рассказывает увлекательная книга Николая Коняева. Кроме того, закрывая белые пятна нашей истории, писатель помогает понять нам и некоторые события современности.

УДК 94(47)''16''
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-906880-87-1

© Коняев Н.М., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

РОМАНОВЫ. ТАЙНЫ ДИНАСТИИ

Коняев Николай Михайлович

**РОМАНОВЫ
ТВОРЦЫ ВЕЛИКОЙ СМУТЫ**

Редактор *Н.В. Мезина*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 15.12.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906880-87-1

9 785906 880871 >

Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Все это происходило с ними, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков...

*Апостол Павел,
Первое послание к коринфянам*

Четыреста лет назад стрельцы в Москве подожгли усадьбу Федора Никитича Романова.

Самого Федора Никитича насильно постригли в монахи и заключили тогда в Антониево-Сийский монастырь...

Жену «замчали» в Заонежский Толвуйский погост...

Дочку Татьяну и сына Михаила сослали в Белоозеро...

Братьев тоже сослали...

Александра Никитича Романова — в Усолье-Луду на Белом море...

Михаила Никитича — в Пермскую землю...

Ивана Никитича — в Пелым...

Василия Никитича — в Яренск...

Еще более жестоко поступили с челядью. Многих холопов Романовых подвергли страшным пыткам...

Считается, что расправа с Романовыми была вызвана болезненной подозрительностью Годунова и предложением послужил ложный донос о заготовке Федором Никитичем Романовым ядовитых «кореньев».

Это не совсем так.

Стрельцы действительно искали у Романовых коренья, но не те, что были предназначены якобы для изготовления

отравы, а вполне реальные корни задуманного заговора, который должен был ввергнуть Русь в ужасы Смуты...

Увы...

Сыск ничего не дал.

Григорий Отрепьев успел скрыться с романовского двора.

Со стороны, из глубины переулка, наблюдал он, как пылает усадьба его благодетелей. Жутковато переливались в темноте всполохами пожара его глаза — первого царя со двора Романовых...

Если возвести стену между прошлым и настоящим, не будет будущего.

Глава I

ШУРЬЁ

Возвышение Романовых началось 13 декабря 1546 года, когда Иван IV Васильевич объявил митрополиту Макарию, что решил жениться.

«Великому Князю исполнилось 17 лет от рождения, — пишет Н.М. Карамзин. — Он призвал Митрополита и долго говорил с ним наедине. Митрополит вышел от него с лицом веселым, отпел молебен в храме Успения, послал за боярами... Еще народ ничего не ведал, но бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину, и с нетерпением ждали открытия счастливой тайны.

Прошло три дни. Велели собраться Двору: Первосвященитель, бояре, все знатные сановники окружали Иоанна, который, помолчав, сказал Митрополиту: «Уповая на милость Божию и на Святых заступников земли Русской, имею намерение жениться: ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты во иных Царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество счастьем? Желая найти невесту в России, по воле Божией и твоему благословию». Митрополит с умилением отвечивал: «Сам Бог внушил тебе намерение столь вожденное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца небесного». Бояре плакали от радости...»

16 января 1547 года в Успенском соборе Ивана IV Васильевича венчали на царство, а 3 февраля «царя всея Руси» обвенчали с юной Анастасией, дочерью вдовы Захарьиной.

Так получилось, что после свадьбы зашумели на Москве пожары...

12 апреля погорели Китай-город и Торг, а 20 апреля пожары забушевали уже за Яузой. Но главные пожары были впереди, и, словно бы предвещая их, зазвенела земля — упал с колокольни Благовещенского собора большой колокол. Еще появились на Москве «сердечники» — чародеи, «вынимавшие из людей сердца»...

И вот наступил страшный день — 24 июня...

«Загорелся храм Воздвиженья Честного Креста, — говорит летописец, — за Неглинной, на Арбатской улице, на Острове, и бысть буря велика, и потече огонь якож молния, и пожар силен промче во един час Занеглименье. И обратися буря на град большой»...

«Большой град» — это Кремль. Вспыхнули кровли на палатах и деревянные избы, в огне погибла казна, оружейная палата, царская конюшня. Сгорел расписанный фресками Андрея Рублева Благовещенский собор.

Святитель Макарий руководил спасением особо чтимых икон из горящих храмов, потом огонь окружил и митрополита, отрезая пути к отступлению, и пришлось спускаться из Тайницкой башни на веревках. Веревка лопнула, святитель «разбился»...

Опустошив Кремль, пожар с новой силой набросился на уцелевшие районы города. Железо там «яко олово разливавшееся, и медь яко вода растаяваше». Всего сгорело в июньском пожаре 25 тысяч дворов, погибло около двух тысяч жителей.

И поползли, поползли распускаемые князем Скопиным-Шуйским и дядей молодой царицы Григорием Юрьевичем Захарьиным слухи, что виновниками пожаров являются Глинские.

Говорили, что это бабка царя Анна Глинская со своими детьми и людьми «волхвала: вынимала сердца человеческие да клала в воду, да той водой, разъезжая по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела, а у самих Глинских усадьбы не пострадали в огне».

26 июня в Москве уже не пожар вспыхнул. Восстание...

Убили дядю царя — князя Юрия Глинского. Михаил Глинский бежал в Литву. Хотя мятежную чернь царь и велел покарать, но зачинщиков бунта не тронули, предав, как пишет Н.М. Карамзин, одному суду Божию...

Еще тверже, еще увереннее встали у престола царские *шурьи* — Юрьины-Захарьевы...

Отметим, что это был первый совместный проект Шуйских и Юрьиных-Захарьевых-Романовых. На протяжении ближайших десятилетий этим родам предстоит действовать то сообща, то друг против друга, но все время в пространстве возле трона, борясь за место у трона и за сам трон.

И Шуйским, и Романовым суждено сидеть на русском троне...

Их противостояние завершится в 1612 году в Варшаве, где встретятся в польском плену царь Василий Шуйский и патриарх Филарет Романов. Василий Шуйский, завершая правление своей династии и саму династию, умрет в польской тюрьме, а Филарет (Романов) вернется в Москву, где начнет со своим сыном Михаилом правление династии Романовых...

Но это еще впереди, а пока Юрьины-Захарьевы только еще утверждают возле трона...

Как говорят историки, утверждались они в борьбе с «мятежным господством бояр» за царское единовластие, «чуждое тиранства и прихотей»... Заметим, что борьба эта с самого начала была не совсем чистой...

Любопытно и другое...

Возвышение династии Юрьиных-Захарьевых совпало с началом реформ Иоанна IV Васильевича Грозного.

Правда, тогда реформы назывались «переменами» в царе.

«Господь наказывал меня за грехи то потопом, то мором, и все я не каялся, наконец, Бог наслал великие пожары, и вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, смирился дух мой...»

Тринадцать лет «смирялся дух» грозного царя, тринадцать лет рядом с ним была царица Анастасия.

«Предобрая Анастасия, — извещает нас летопись, —ставляла и приводила Иоанна на всякие добродетели»...

Есть, однако, и другие суждения.

Андрей Курбский, к примеру, сравнивает Анастасию с Евдокией, женой византийского императора Аркадия, устроившей злые гонения на Иоанна Златоуста...

Так это или иначе, судить трудно, но влиянием на царя Анастасия действительно пользовалась. Об этом свидетельствует стремительное возвышение шурьев, пользующихся все большим и большим влиянием на государя.

2

1553 год — великий год царствования Иоанна Грозного. Это год третьего похода Ивана IV Васильевича на Казань. В походе участвовало 150 тысяч человек.

2 октября Казань пала...

1553 год можно считать и годом крещения рода Захарьиных-Юрьевых в дворцовой борьбе за власть, которую повели шурьи с «ближним окружением» царя — Алексеем Адашевым, протопопом Сильвестром и их окружением.

Немного в нашей истории деятелей, относительно которых, по словам биографа, «нельзя подобрать, кажется, свидетельства не в его пользу».

Но Алексей Адашев был именно таким человеком. И в этой оценке его едины и современники, и историки...

«И был он, — говорит о нем Андрей Курбский, — общей вещи зело полезен, и отчасти в некоторых нравех, ангелом подобен»...

«Сей знаменитый временщик явился вместе с добродетелию царя и погиб с нею...» — утверждает Н.М. Карамзин.

С этим человеком, по праву считающимся образцом древнерусского филантропа и гуманиста, и схлестнулось шурье в борьбе за влияние на царя.

После взятия Казани Адашев советовал царю постоять там с войском до весны, чтобы окончательно усмирить татар, мордву, башкир и черемисов, но Анастасия была на последних месяцах беременности, и царь, как горестно сообщает Андрей Курбский, «совета мудрых воевод своих не послушал,

послушал же совета шурьи своих, они бо шептаху ему во уши, да споспешитца ко царице своей, сестре своей...»¹.

4 октября Иван IV Васильевич заложил в Казани церковь во имя Благовещения Богородицы и вернулся с войском в Москву.

Казанского победителя встречало такое множество народа, что поля не вмещали людей...

«От реки от Яузы и до посаду и по самой град по обе страны пути бесчислено народа... велиими гласы вопиющий, ничтоже ино слышати токмо: «Многа лета царю благочестивому, победителю варварьскому избавителю христьянскому».

Радость обретения Казанского царства сливалась с семейным торжеством в царском доме. 11 октября царица Анастасия благополучно разрешилась от бремени сыном Дмитрием.

«Как скоро Анастасия могла встать с постели, государь отправился с нею и с сыном в обитель Троицы, где Архиепископ Ростовский, Никандр, крестил Димитрия у мощей Св. Сергия, — пишет об этих днях Н.М. Карамзин. — Насыщенный мирскою славою, *Иоанн заключил торжество государственное Христианским* (выделено нами — Н.К.): два царя казанские, Утемиш-Гирей и Едигер, приняли веру Спасителя. Первого, еще младенца, крестил Митрополит в Чудове монастыре и нарек Александром: Государь взял его к себе во дворец и велел учить грамоте, Закону и добродетели. Едигер сам изъявил ревностное желание озариться светом истины, и на вопросы Митрополита: «не нужда ли, не страх ли, не мирская ли польза внушает ему сию мысль?» отвечивал решительно: «нет! люблю Иисуса и ненавижу Магомета!» Священный обряд совершался на берегу Москвы-реки в присутствии государя, бояр и народа. Митрополит был восприемником от купели. Едигер, названный Симеоном, удержал имя царя; жил в Кремле...»

Однако, как и бывает всегда, когда правитель стремится заключить *торжество государственное Христианским*, враг рода человеческого ополчился на Ивана Грозного. При-

¹ У Даниила Романовича Захарьина были причины торопиться с возвращением. Во время Казанского похода в Москве умерла его супруга.

шли из Казани печальные вести о восстании «луговых» людей и гибели вместе со своим воеводой войска Бориса Салтыкова, выступившего на усмирение бунтовщиков.

От огорчения Иван IV Васильевич серьезно занемог «огненным недугом»...

3

Братья царицы, то ли действительно опасаясь, что царь не выживет, то ли развивая интригу, предложили ему: написать духовную и потребовать, чтобы все бояре, а главное, двоюродный брат царя — удельный князь Владимир Старицкий — присягнули их племяннику, младенцу Димитрию.

Трудно сказать, насколько сам Иван Грозный опасался своей смерти... Скорее всего, и опасения были, было и желание испытать бояр, но главное, очень хотелось избавиться от опеки слишком мудрого Алексея Адашева, слишком прозорливого протопопа Сильвестра... Мысль шурьев Ивану Грозному понравилась.

Насколько велик был страх перед шурьями, показывает донос окольного Михаила Михайловича Салтыкова на князя Дмитрия Ивановича Немого-Оболенского, сказавшего Салтыкову:

— Бог знает что делается! Нас бояре приводят к присяге, а сами креста не целовали, а как служить малому мимо старого? А ведь нами владеть Захарьиным.

— Я вас привожу к крестному целованию, велю вам сыну моему Димитрию присягнуть, а не Захарьиным! — вкрадчиво увещевал бояр Иоанн Грозный. — Но более с вами я не могу много говорить. Дмитрий и в пеленах для вас есть самодержец законный, но коли вы не имеете совести, то будете ответственность Богу...

— Мы не целовали креста, — попытался отговориться осторожный князь Иван Михайлович Шуйский, — потому что государя не видели перед собою... Как присягать, если государя тут нет?

Ну а отец царского любимца Алексея Адашева окольный Федор Адашев отговорок искать не стал.

— Тебе, государю, и сыну твоему, царевичу князю Дмитрию, мы усердствуем повиноваться, — сказал он. — Другое нас заботит... Сын твой еще в пеленках, а владеть нами будут Захарьины — Данила с братиею. А мы ведь от боярского правления уже в твое малолетство беды видели многие...

Шум возник немалый.

Князья Иван Федорович Мстиславский, Владимир Иванович Воротынский, Дмитрий Палецкий целовали крест Дмитрию. А с ними и Иван Васильевич Шереметев, и Михайла Яковлевич Морозов, и дьяк Иван Михайлович Висковатый, и, конечно же, Захарьины — Данило Романович и Василий Михайлович.

Беспрекословно присягнул, к огорчению Захарьиных, и Алексей Адашев, разгадавший направленную против него интригу.

Однако Захарьины поспешили донести царю, что принял присягу Алексей Адашев с неохотою, а протопоп Сильвестр и вообще попытался защищать от нападков бояр князя Владимира Старицкого.

Это известие и огорчило Иоанна Грозного, и порадовало...

Обидно было, что любимцы, которых он и поднял к вершинам государственного управления и которые только ему и обязаны были всем, что имели, с неохотою поддержали его... Ну а порадовало тем, что теперь у него появилось моральное право избавиться от опеки, отдалиться от высокоумных друзей... На что нужны друзья, когда рядом шурья есть?..

Между тем, удельный князь Владимир Андреевич Старицкий прямо отрекся целовать крест.

— Знаешь сам, что станется на твоей душе, — сказал ему Иоанн Грозный. — Если не хочешь креста целовать, мне до того дела нет.

И когда ушел брат, обратился Иван Васильевич к боярам:

— Бояре! Болен я, мне уж не до того, а вы, на чем мне и сыну моему Димитрию крест целовали, потому и делайте. Если станется надо мною воля Божия и умру я, то не забудьте, на чем вы мне и сыну моему крест целовали. Не дайте сына моего извести, лучше бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет...

Теперь уже и самые упорные противники Захарьиных-Юрьевых сообразили, что дело нечисто и надобно бояться не шурьев, а царя, который, выздоровев, припомнит, кто супротивничал его воле... На этот раз отправились присягать все. И там-то, в передней избе, и ждало долгодумов очередное унижение. Князь Иван Турунтай-Пронский даже заплакал, увидев, кто стоит у креста.

— Твой отец, — сказал он Воротынскому, — первый изменник был, а ты теперь к кресту приводишь!

— Я изменник, — отвечал Воротынский, — а тебя привожу к крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его, царевичу Димитрию; ты прямой человек, а государю и сыну его креста не целуешь и служить им не хочешь.

Турунтаю оставалось только молча поцеловать крест.

Похоже, что Захарьины уже и не рады были своей затее. Больно круто заворачивалось дело.

Иоанн Грозный заметил этот страх и сказал, обращаясь к ним:

— А вы, Захарьины?! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете *первые мертвецы!*

Не рискну трактовать эти слова, как пророчество, но некий магический смысл явно присутствует в них.

Из причудливой смеси царевичей Дмитриев (первого и второго), Лжедмитриев (первого и второго) и выплывалась династия *первых мертвецов...*

4

Иоанн Грозный выздоровел. Исполняя данный во время болезни обет, он отправился с царицею и сыном Дмитрием на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь.

Вначале царь заехал в Троицкий Сергиевский монастырь и провел здесь три дня, беседуя с Максимом Греком.

Преподобный попытался отговорить государя от столь дальней поездки.

— Аще, — сказал он, — и обещался ехать, просить святого Кирилла о заступничестве перед Богом, но обеты такие с разумом не согласны. И вот почему... Когда доставал ты

прегордое и сильное басурманское царство, немало христианского воинства храброго тамо от поганных падоша. Жены и дети осиротели, и матери обнищали, во слезех многих и скорбех пребывают. Будет гораздо лучше наградить их и устроить, собрав в царственном граде, чем исполнять неразумные обряды. Бог везде сый, все исполняет и всюду зрит недреманным своим оком...

Долго беседовал преподобный Максим с Иваном Грозным о том, что не только святого Кирилла душа, но души всех прежде бывших праведников, которые изображены на небесах и которые предстоят теперь Престолу Божиему с очами духовными самого острого, особенно сверху, зрения, молятся Христу о всех людях, живущих на земле, особенно о тех, кто раскаивается в грехах, кто по собственной воле отвращается от беззаконий своих к Богу, ведь Бог и святые Его внимают молитвам нашим не по месту их творения, но по нашей доброй воле и по усмотрению.

— Если послушаеши меня, — сказал преподобный, — здоров будеши и многолетен со женою и отрочати...

Но замкнуто было сердце царя для слов святого. Шурья «нашептаху ему во уши», что Максим Грек говорит так, исполняя приказ «ближнего круга» — Алексея Адашева и протопопа Сильвестра.

Между прочим, историки тоже замкнули свой слух для глаголов святого, доверившись «нашептаным» словам Захарьиных-Юрьевых. Даже Н.М. Карамзин пишет, что Максим говорил «вероятно, по внушению Иоанновых советников».

Между тем, как сообщает Андрей Курбский, преподобный Максим Грек не успокоился. Через пресвитера Андрея Протопопова, князя Ивана Мстиславского, постельничего Алексея Адашева и его, князя Андрея Курбского, велел передать царю главное свое предсказание...

«Аще, — рече, — не послушаеши мене, по Бозе советующаго, и забудеши крови оных мучеников, избиенных от поганов за правоверие, и презриши слезы сирот оных и вдовиц, и поедеши со упрямством, ведай о сем, иже сын твой умрет и не возвратится оттуды жив».

Но и эти слова святого прошли мимо загороженных шепотом шурья ушей Иоанна Грозного.

Не испугавшись грозного пророчества, Иван IV Васильевич велел ехать в Песношский Николаевский монастырь. Там, в Дмитрове, уже ждали суда, на которых и поплыли реками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною в Кирилло-Белозерский монастырь...

Назад в Москву возвращались уже через Ярославль и Ростов...

Возвращались в слезах...

Везли тело умершего в дороге царевича Дмитрия.

Мы выделили названия городов, потому что эти города напрямую связаны с «дмитриевским» периодом предстоящей русской истории. Словно грозное эхо пророчества преподобного Максима Грека звучит повторение этих имен в годы Смуты...

Забегая вперед, скажем, что местное почитание преподобного Максима Грека началось еще в конце XVI века после чудесного спасения на войне царя Федора Иоанновича, многие поклонялись мощам старца, но прославление состоялось почти четыреста лет спустя — в 1988 году...

Задержали прославление семьдесят лет большевистской власти и триста лет правления Романовых, основатели династии которых так старательно пытались развести — и развели! — своим шепотом преподобного с царем, святость с властью.

Попробуем разобраться, что же произошло тогда.

Иоанн Грозный, следуя своеволию и нашептыванию Захарьиных-Юрьевых, пренебрег благословением святого и, не вняв даже его пророчеству, потерял сына царевича Дмитрия, которому, между прочим, уже присягнули все как царю.

И «не стало царевича Дмитрея, назад едучи к Москве, и положили его в Архангеле, в ногах у В.К. Василья Ивановича»... — говорит Никоновская летопись.

Царевич Дмитрий был первым сыном Иоанна Грозного.

Последним сыном тоже был царевич Дмитрий. Его убьют в Угличе. Одни считают, что произошел несчастный случай и царевич сам себя зарезал, упав на свой ножичек во время игры,

другие — и таких историков большинство! — полагают, что было совершено убийство. Одни винят в этом преступлении Бориса Годунова, другие — таких очень мало! — Романовых.

Об этом убийстве разговор впереди, а пока скажем, что на престоле ни одному из настоящих Дмитриев не суждено было сесть. Сел на русском престоле назвавшийся царевичем Дмитрием человек со двора бояр Романовых — Григорий Отрепьев...

Такое невозможно рассчитать и устроить, но и отнести такое к категории случайного тоже не получается. Жесткая и неумолимая закономерность прослеживается в смене кандидатов на царский престол...

Царевич-младенец, которому уже была принесена боярами присяга, умирает по предсказанию святого...

Царевич-отрок, которого убили, чтобы открыть — Годуновым или Романовым? — путь к Престолу, прославлен как святой...

Самозванец, объявивший себя царевичем, усевшийся на русском троне...

Власть... Святость... Обман...

Призрачность власти...

Кажущееся бессилие и неизбежное торжество святости...

Неодолимость лжи и обмана, которая неизбежно рассыпается в результате в прах...

Можно бесконечно выстраивать подобные ряды, вглядываясь в череду этих Дмитриев нашей истории.

Это не случайность. Это знак... Знак той истории, которая создается вопреки всем интригам и своеволиям...

И бессмысленно рассуждать, что, дескать, напрасно Захарьины-Юрьевы побуждали Иоанна Грозного принуждать бояр и удельных князей к той присяге...

Может быть, и не напрасно...

На судьбе Захарьиных-Юрьевых-Романовых, кандидатов в *первые мертвецы*, присяга племяннику отразилась очень благотворно. Эта интрига еще сильнее приблизила их к Иоанну Грозному.

Ну а смерть, что ж...

На все, как говорится, воля Божия...